

Разговор с читателем книги «Эффект памяти»

Иосиф Рабкин

*Просвещая своих читателей,
сам узнал много нового.*

Для чего разговор с читателем? Для того чтобы сбросить иго невысказанности, ощутить свою причастность друг к другу. Хочется поговорить, потолковать, да просто побеседовать с читателем, потому что **читательская интерпретация текста не всегда совпадает с авторской**. Не только потому, что читатель и автор – разные личности, значение имеет различие культурных контекстов, в которых воспроизводится данный текст. Язык считается составной частью не только культуры, но и личности. Я имею в виду некоторые различия в профессиональном языке. В книге старался выполнить требование общепонятности языка, поэтому могу полемизировать с читателем.

Отношение к книгам бывает двойное: **писательское и читательское**. Мне сообщила одна читательница: «Прочитала этот труд, впечатления замрут!». Не осужу Вас, если они замерли. Ибо замирание есть уход в себя. А у автора крик недосказанности остался в осадке.

Искренняя молитва говорит: **«работай в сердце»**.

Действительно, любой специалист – врач он или адвокат, священник или раввин, педагог или режиссёр театра – **«работает в сердце»**. Это стало не только символом, но и **смыслом моей жизни**. Есть два взгляда: из глубины сердца, из тайников разума. Заглянем в закоулки.

Понять, что хирургия – это терапия отчаяния, может только человек, потерпевший неудачу.

В моей биографии было немало неудач, но только биография совести знает, сколько в ней удач, великолепных операций, дерзости, риска и отчаянной отдачи.

У Гёте есть гениальная фраза: «всё, что было близко – отдаляется».

Главный вопрос того времени для меня был: **лечить, щадя больного. Это была не иллюзия, а вера во что-то иное, в то, что можно изменить, обновить, улучшить**.

Как связать желание с жизнью? Как эту мечту осуществить? О человеке лучше судить по его мечтам, нежели по его мыслям. Каждая мечта даётся вместе с силами, необходимыми для её осуществления.

Давно мечтал написать книгу, поднимающую **достоинство человека науки** в глазах общественности. О жизни героев, но не о тех, о которых слагаются притчи, легенды, совершающих нечеловеческие поступки, получающих невероятные результаты... Нет, я пишу о героях, открывших новое направление в медицине – **рентгено-хирургию**, как я её назвал в России, или, как за рубежом её называют, – **интервенционная кардиология, радиология**.

Создание во второй половине XX века интервенционной кардиологии и радиологии привело к **беспрецедентным по масштабу и силе влияния изменениям во всех областях клинической медицины** (кардиологии, ангиологии, онкологии, урологии и т.д.).

Развитие этой отрасли медицины послужило основанием для многомиллиардной **индустрии здоровья**, не говоря уже об изменении мировоззрения врачей в связи с открытием самого **гуманистического направления в лечении больных**.

Книга «Эффект памяти» – о жизни героев вспять, т.е. от смерти к рождению. Как мне думается, это лучшее прочтение их судьбы.

Герои не взяты из литературы, моё общение с каждым из них, более того, дружба и переписка – основа этой книги.

К сожалению, я не вёл дневников, поэтому, для того чтобы вспомнить наши общения, надо было сохранить следы ощущения оставшейся памяти. Врачи её называют – энграмма. Она записывается в конкретных клеточно-молекулярных ячейках мозга. Надо было многое обдумать, для того чтобы текст положить на бумагу. А текст должен отдаться так, как отдаётся женщина, которая может всё, а мужчина – всё остальное.

Кровосберегающие операции

Каждый больной для исцеления ищет бескровные, безболезненные, малотравматичные вмешательства.

Феноменальность нового открытия в медицине заключалась в том, что осуществление сложнейших лечебных вмешательств достигалось путём простейших средств и методик. Это ли не пример сближения науки с искусством?

Логика науки и сочетание с вдохновением искусства создаёт гениальную простоту творения, будь то полотно художника или чудо исцеления.

Скорость прогресса

Любое биографическое повествование всегда окрашено личным отношением автора к своим героям.

1929г. Вернер Форсман в Германии впервые в мире производит катетеризацию сердца на самом себе.

Спустя 30 лет (1964) Чарльз Доттер (как его называли, Crazy Charlie) производит бужирование сосуда и восстанавливает кровоснабжение на ноге. Он признан отцом интервенционной радиологии (ИР).

Ещё спустя 15 лет (1977) Андреас Грюнциг производит баллонную ангиопластику коронарной артерии.

Год 1984. Автором этих строк было проведено, впервые в мировой клинической практике, стентирование сосудов, желчных путей, пищевода, трахеи и матки с помощью созданного нами совместно с металлофизиками «*Rabkin Nitinol Stent*». Открыта ***эпоха стентирования.***

Исторически потребовался ничтожный период (чуть более полувека), чтобы открыть, развить и внедрить в повседневную клиническую практику принципиально новое направление медицины. Потому что живой носитель новых тенденций реализует не только научные, но и практические интересы.

Смею спросить читателя: ***знал ли он этих замечательных людей до прочтения книги?*** И с уверенностью могу ответить – большинство не знало. Возможно, Вам не хватало объёма информации или она не была понятна? А ведь достижения этих учёных помогли ***спасти жизни более 50 миллионов людей.*** Намного больше, чем погибло от атомной бомбы. Изобретателей атомной бомбы, наверное, хорошо знает читатель? Эти вопросы рождают чувство ответственности перед проблемой – ***«за и против человека».*** Всегда легче бороться против кого-то или чего-то, вместо того чтобы бороться за что-то. Творением Разума надо воспользоваться с умом. Как сказал Фредерик Жолио-Кюри, «Наука сама по себе не моральна и не аморальна. По-моему, моральными и аморальными следует считать лишь тех, кто использует её результаты».

Новое направление в медицине возникло благодаря мечтательным, инициативным и креативным людям, которые осмелились разрушить традиционные убеждения врачей и создать новое, отличающееся, идущее вразрез со временем, самое гуманное лечение больных. Это лечение без крови, без боли, без наркоза, без нанесения большой травмы больному. Для осуществления такого открытия учёный должен иметь озарение, которое

приходит от наблюдательности, впечатлительности, да просто от великого труда. Как говорил в шутку великий Эйнштейн, «Креативность – полезный осадок от времени, потраченного впустую».

Личность всегда многомерна и не подлежит никаким стандартам и схемам. Она соткана из различных качеств, прежде всего, из чувства риска. А рисковать может только отважный человек, обладающий решимостью, способностью к смелым действиям, признающий научно обоснованный риск, а не риск игрока. Потому что творить над пропастью может только человек риска.

Мне неловко своё имя ставить в ряд этих непревзойдённых людей. Но, поверьте, незримые пластины, отделяющие их от меня, – непостижимы. У каждого есть *коэффициент своей справедливости*. Совсем не потому, что хочу подражать личности героев или меня преследует бегущая за ними собственная тень. Нет. Но представьте человека, который рассматривает фотографии и вдруг замечает, как они будто бы разглядывают и нас.

Где же нам найти учёного, который бы не считал, что он совершил подвиг?

Вы можете спросить – а для чего нам всё это знать? И будете правы. Потому что *правы обычно обе стороны, и у каждого есть своя правда*. Это старая истина. На то она и истина, чтобы не блекнуть от времени.

Отношу себя к категории профессионалов, т.е. мастеров конкретного дела. В общем, Мастер и Маргарита. Это не просто символика. С кем быть, с кем жить, кому отдать то, что даровано Богом? На эти вопросы могу ответить однозначно: верность одному партнёру продлевает жизнь.

Моя непостижимая реальность свидетельствует о том, *что человек стоит ровно столько, сколько стоит то, о чём он хлопочет*.

В книге есть текст и подтекст

Истинное – всегда в подтексте. Приходится самому удивляться, как мне, с моей вечной нездешностью, чужеродностью и чужестранством, сложной биографией, в той стране, в которой не давали хода таким, как я, удалось сделать многое?

Вначале меня просто не замечали, потом стали обращать внимание, а затем завидовали и присваивали сделанное. Древние говорили: «можно вылечить любую вражду, кроме той, что рождена завистью». На трудном пути было меньше конкурентов – они появились потом. На всё, чем обладал, всегда находились претенденты, заимствователи и плагиаторы. Возможно, и сам был виновен, что разбалтывал свои секреты.

Когда попала мысль в печать,
А книга вышла на продажу,
То поздно автору кричать
И объяснять идей пропажу.

В то время я пытался вырваться из-под гнёта властвующих. Устал от сложностей и отвергнутости, заброшенности, неразделённости. Содрогался от мысли, что кто-то разглядит мои слабости. Я пытался сохранить приоритет чести учёного. Но понимал ли я в то время, что могу быть не прав, когда очень был уверен, что абсолютно прав? Всё больше вопросов и многоточий... Что, туговато с ответами?

Признаюсь, я не был реалистичен в отношении своих противников. Я их недооценивал. В этой книге простил ошибки своих некоторых учеников, о которых писал в предыдущих книгах. Сильный человек должен предъявлять претензии себе, а слабый – к людям. В мои лета ошибки надо прощать, подлость не прощается.

Никогда не прислушивался к чужим мудростям и поучительству, может быть, поэтому и смог оказать значительное влияние и убедить людей науки в открытии нового направления в медицине.

Меня никогда не волновал губительный аромат власти. Подспудно понимал, что нельзя раздуться от собственной значимости. За все надо платить, в том числе и за то, что рождено завистью.

А какого вероисповедания этот, все отвергающий, автор? Ответ нашёл в шуточной, с надрывом голоса, песне, исполненной Владимиром Семеновичем Высоцким – «Хирург-еврей».

В науке он привык бороться.
За скачком – всегда скачок!
Он одному первопроходцу
Поставил новый мозжечок.
Всех, кому уже жить не светило,
Превращал он в нормальных людей.
Но огромное это светило,
К сожалению, было еврей.

Нелегко было исполнять в то время такую песню.

Но кто-то должен был приоткрыть обнаженного короля. Кто-то должен быть честным. Честным должен быть любой человек, а учёный – тем более.

Учёный – это звание, еврей – это призвание, врач – это профессия.

Если верить Джону Голсуорси, то «мир зиждется на иронии».

Пейзаж души

Хотя пейзаж души снят скрытой камерой, в главе книги «Признание» откровенно поведал о потайном желании быть скромным, но у всех на виду. При этом понимая, что чужой успех никому не безразличен. Почему я разоткровенничался в книге? Если я говорю о себе сам с улыбкой, то в этом ничего дурного никто не усмотрит... Но если про меня будут говорить другие, то они привнесут всё в своей «интертрепации». Не люблю чужих поисков в своей душе.

Мое ритуальное облачение в мантию было не с целью малейшей заявки «на отличимость». И не с целью создания эффекта благополучия. Это своеобразная игра. Мы подспудно понимаем, что всё время во что-то играем. ***Игра уже давно стала не профессией, а личностным качеством.*** Нам кажется, что мы почтенно носим имена и титулы. А на самом деле мы безмянны. Истинное остаётся зашифрованным, но его можно отличить; оно многослойно, но не многословно.

Прожил как будто и немало, много пережил, а линия жизни какая-то куцая – одна влюбленность в профессию, одна – в семью. Есть престиж профессии, но есть и престиж семьи. Обыкновенная многодетная, честная, порядочная, скромная, милосердная семья.

Некоторых читателей, может быть, и раздражает излишняя откровенность, неординарность, афористичность автора. Просто надо быть собою, а не быть типичностью. Не люблю однозначно скроенное единомыслие, мне претят подпевающие в такт. Не верьте тем, кто отрывочно прочитал избранное из книги. Не верьте тем, кто не понял её сущности. А понимающим надо верить.

Терзаюсь своим одиночеством. Обнадёживает лишь то, что «Человек менее всего одинок, будучи в одиночестве», как утверждал Спиноза.

Нет более нелепого заблуждения, чем цитату пропустить через сознание автора. Ведь это информация второй свежести.

А нужно ли писать о таких вещах? Стоит ли приоткрывать затемнённые участки? – спросит читатель. Пишу потому, *что путь к истине – это расстояние от себя к себе и что расстояние это уменьшается с ускорением времени.*

Ничего нового в этом нет. Все герои книги были запертыми в себе индивидуумами. И говорили они отнюдь не то, что от них ожидали услышать.

У каждого из них была бесценна, летуча и неуловима работа мысли. И чем интенсивнее проявлялась она в личности, тем глуше эта личность замыкалась. Но если что-то и принадлежит нам – так это мысль:

Не устаю я удивляться волшебству...
Кто исцеляет, словно в сказке,
Срывает или надевает маску?
Те рентгено-кардиологи,
Кто вечно на посту.

Пишу, понимая, что изрекающие мудрость к себе её обычно не применяют.

Слово написанное – важно,
Слово печатное драгоценно,
Слово сказанное – незаменимо.

В контексте не могу не привести посвящение мне известного литератора, поэта и писателя Михаила Хазина:

Познания упорный ген,
Наследье многих поколений,
Вас так нацелил на рентген,
Что Вы пробили много стен
И утвердились как рентгений.

Нет более обманчивого представления о себе и более нелепого заблуждения, чем иллюзорное видение себя непогрешимым. Надо подойти поближе к зеркалу и присмотреться к себе внимательнее. Можно разглядеть разгадку. Смена форм, взгляда, настроения и ничего прочного, кроме *великого инстинкта – Жить!*

Но не надо себя низвергать до минусов. Мы лелеем свою принадлежность к профессии, к истинной духовности и вере в прогресс. *Не надо менять самость на стадность, принцип на привилегии, контакты на конфликты, доверие на донос, бесстрашие на безрассудство.*

Время – лучший ценитель творчества.

В канун 2012 г. я получил посылку из Германии (г. Ганновер). В ней – Медаль и Почетный Диплом им. Вильгельма Конрада Рентгена: «Награждён за выдающиеся научные достижения в области рентгенологии и создание рентгенотехники». Эта награда – престиж профессии.

Но самым большим приоритетом является *династия рабкиных* – докторов. В своё время в России в понятие семьи входило три поколения с юридическими обязанностями перед родителями. Кто этим пользовался? Мы гордимся нашими детьми (Лора, Дина, Дима), которые стали врачами, кандидатами медицинских наук, без юридических обязанностей родителей перед детьми.

Особое слово о втором поколении династии интервенционных радиологов. Мой зять, Павел Гигаури, – интервенционный кардиолог в штате Висконсин. А сын, Дмитрий

Рабкин, представляет эту династию в Гарвардской Медицинской школе, являясь профессором и директором департамента интервенционной радиологии в *Brigham and Women Hospital*. Дима не многословен, но вот тут понял, что история рифмуется.

Доктор Фауст был большой философ,
Только люди гибли за металл.
Доктор Рабкин был простой Иосиф,
Но людей металлом он спасал.
Доктор Фауст уповал на чудо,
Только чуда так и не нашёл.
Доктор Рабкин укреплял сосуды
Сплавом под названьем *Нитинол*.

Память формы им была открыта
И разгадан юности секрет.
Он живёт с прекрасной Маргаритой,
Не старея, шесть десятков лет!

Год за годом – вечное движенье,
Вдохновенье и упорный труд,
Он не знает праздного мгновенья.
Жизнь его – наполненный сосуд!

Сохранил и душу он, и форму,
Увеличил племя докторов.
Его догнать не можем до сих пор мы!
Наш доктор Паплик! Чтоб ты был здоров!

Как сказал Ф. Достоевский, «самое опасное для человека – впасть в собственную прелесть». Человек должен знать свой лимит.

И ещё к читателю.

Я не из тех, кто влюбляется в своё литературное творение. В мои лета понимаешь, что лучшее занятие – это читать хорошие книги.

Вместе с тем, понимаю, что мой читатель – самый преданный, если он вчитался, то дочитает до конца. Для меня важно, чтобы читатель меня *понял*. Хорошо, когда читатель работает над книгой с карандашом, потому что *читатель в какой-то мере – исполнитель произведения*. Между ними должна быть *встречная работа*.

Хорошие, думающие читатели так же нужны, как и хорошие писатели. К сожалению, сейчас больше писателей, чем читателей.

Надо уметь читать книги. Разные книги читаются по-разному. То, о чём читатель знает, о том автор пишет плохо, ибо читатель заинтересован в познании.

Хотя написал 25 книг, но не отношу себя к писателям. Почему? Потому что писатель придумывает свой мир. Обычно писатель в жизни книги не участвует, он смотрит на неё со стороны. Писательство – одинокая профессия, всё главное происходит за письменным столом. А у меня ведь всё было наоборот, за операционным столом родился и замысел книги, и её воплощение.

Книга – один из поводов общения с читателем.

Чем старше пишущий книгу, тем крупнее шрифт, тем больше поля, тем толще бумага, тем твёрже обложка. Это своеобразная компенсация.

Мне велено прожить
Страницы книги
Без отклонений, лжи и зла.
Пока я временно доступен,
Так пожелайте мне
Ни пуха, ни пера.

Когда-то Гёте писал: «Нет такой книги, из которой человек не мог бы научиться чему-нибудь хорошему».
Вы с ним согласны?

Источник

Рабкин, Иосиф. Эффект памяти. Бостон, 2011.